

белом клобуке. Лазарь в ней прибывает в Новгород вместе с епископом Евмением, упоминаемым в Повести, и приносит Василию белый клобук и подарки от патриарха Филофея.¹

В какой исторический момент, при каких обстоятельствах жизни Новгорода там вновь вспомнили легенду о клобуке архиепископа Василия? Естественно, что это могло произойти только лишь после присоединения Новгорода к Москве. Однако легенду о белом клобуке не просто вспомнили, а переработали в значительное по объему и содержанию литературно-публицистическое произведение, используя в нем ряд церковно-исторических, полемических и агиографических источников. Последнее говорит за то, что эта переработка была сделана в момент оживления литературной деятельности в Новгороде. Следующее после отмеченного при Евфимии II оживление литературной деятельности „владычного двора“ наблюдается в конце XV века, но тенденции новгородской письменности были теперь совершенно иными.

После присоединения Новгорода к Москве в новгородской литературе „широко развернулась... своеобразная идеологическая борьба за первенство в Русской земле (а не господство друг над другом)“, которая была следствием „тех чрезвычайно сложных взаимоотношений“, в которые вступили между собой культуры Новгорода и Москвы. Эта борьба, начавшаяся еще задолго до окончательного уничтожения новгородского „само управления“, приняла теперь „более церковные формы“, так как „великие князья делают в Новгороде архиепископов главными проводниками своей политики“.² Последнее целиком относится ко второму из назначенных Москвой в Новгород архиепископов — Геннадию.

В отличие от своего предшественника Сергия, своей надменностью и неуважением к новгородской старине восстановившего новгородцев против Москвы, Геннадий подчеркивал свое уважение к новгородским обычаям и, в частности, первым из московских архиереев стал носить традиционный белый клобук новгородского архиепископа. Инициатива использования местной новгородской легенды, связанной с происхождением этого головного убора, для пропаганды общерусских объединительных идей могла исходить только от Геннадия. Вместе с тем прекрасные знания новгородского фольклора, новгородской литературной традиции и довольно заметная доза местного новгородского патриотизма, обнаруженная автором Повести, чего нельзя приписать москвичу Геннадию, свидетельствует о том, что среди новгородских книжников, которых Геннадий привлек к своей интенсивной книжной деятельности, он нашел хорошего исполнителя своего замысла. Так, в содружестве архиепископа Геннадия и какого-то новгородского книжника и была составлена Повесть о новгородском белом клобуке. Вот почему еще в XVI веке инициативу создания Повести приписывали Геннадию, а исполнителем его замысла называли „Дмитрия Толмача“ — скорее всего новгородца Дм. Герасимова.

Составитель Повести о белом клобуке не только переработал в своем произведении древнюю легенду о диковинном головном уборе архиепископа Василия по типу широко распространенных в Новгороде

¹ Филарет в своем издании пересказал эту вторую редакцию по рукописи Ундольского. Об обеих редакциях имеется также сообщение А. П. Воронова на собрании Общества любителей древней письменности (Памятники древней письменности, т. СХI, 1895, стр. 31—32).

² См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 369.